

Ли Сянь быстро поднял глаза, взглянув на Гу Хуайцина, и почувствовал внутри щемящий зуд. Если бы Гу Хуайцин согласился раздеться и позволить ему нарисовать портрет, он бы на всё согласился. Но он знал: этот красавец не из тех, с кем можно шутить. Обидев его, можно быстро оказаться в беде.

Гу Хуайцин с едва уловимой улыбкой спросил:

— Я давно слышал о вашем мастерстве, учитель Ли. Ваши картины невозможно купить ни за какие деньги. Я видел ваши портреты знатных особ во дворце, но никак не ожидал, что ваши эротические рисунки окажутся ещё искуснее.

Ли Сянь, несмотря на всю свою толстокожесть, слегка покраснел и смущённо кашлянул:

— Господин Гу, вы слишком добры. Это просто моё личное увлечение, не более чем забава, недостойная внимания.

Гу Хуайцин продолжил:

— Ваши рисунки так реалистичны. Неужели вы видели эти сцены своими глазами?

— Э-э, ну... — Ли Сянь нервно поправил рукава, огляделся, убедившись, что их никто не подслушивает, и понизил голос:

— Если господин спрашивает, я не стану скрывать. Действительно, я однажды случайно стал свидетелем.

Гу Хуайцин усомнился:

— И вы смогли нарисовать их так точно, просто случайно подсмотрев?

Ли Сянь усмехнулся:

— В академии полно молодых студентов. Такие любовные истории — дело обычное. Как говорится, «не быть ветреным в юности — напрасно прожитые годы». В древности были разделяющие персики и разрывающие рукава, а нынче — романы в Ханьлине. Любовь между мужчинами — дело изящное, все об этом знают, но вслух не говорят.

Говоря это, Ли Сянь снова украдкой покосился на Гу Хуайцина. Тот, догадываясь о его грязных мыслях, холодно предупредил:

— Учитель Ли, возможно, вы говорите правду. Но, рисуя эти картины, вы спрашивали разрешения у тех, кого изобразили?

Ли Сянь запнулся, покраснел и не смог вымолвить ни слова.

Гу Хуайцин закрыл глаза и мысленно вздохнул.

Честно говоря, до встречи с Ли Сянем он испытывал к этому мастеру живописи глубокое уважение. Но, увидев его мерзкое поведение, почувствовал сильное разочарование.

Этот подлый старик, любивший подглядывать за студентами, так сильно отличался от образа благородного художника, которого Гу Хуайцин себе представлял.

Он даже обещал Сяо Цзину достать картину с лотосами работы Ли Сяня, но теперь, после

всего случившегося, не хотел даже упоминать об этом.

Гу Хуайцин даже с некоторым злорадством подумал: если Сяо Цзин попросит картину, можно подарить ему одну из этих эротических. В императорском дворце полно пейзажей и изображений птиц с цветами, но таких рисунков там точно нет. К тому же работы Ли Сяня куда изысканнее рыночных поделок. Сяо Цзину, вероятно, понравится.

Гу Хуайцин не стал больше тратить время на Ли Сяня. Получив нужную информацию, он свернул рисунки и вышел из комнаты.

Ли Сянь, хотя и жалел свои тщательно выполненные работы, не осмелился возражать. Он лишь подумал, что нарисует ещё несколько эротических картин с Гу Хуайцином в главной роли, чтобы утолить свою обиду. Конечно, это были лишь грёзы. Осмелься он воплотить их в жизнь — плохо бы кончил.

Гу Хуайцин вышел из комнаты Ли Сяня. К тому времени гвардейцы уже завершили обыск общежития Юэвэй.

Вскоре вернулась и другая группа, обыскивавшая остров на озере. Они тщательно проверили все уголки, кроме закрытого павильона Тяньи, — жилище отца и сына Кун и сад Снежного Аромата. Однако Кун Ханьсун и его отец были людьми скромными, и ничего подозрительного у них не нашли.

Проведя с гвардейцами полдня, Гу Хуайцин единственной своей находкой мог назвать три эротических рисунка. Он не расстроился, взял их и отправился к Дуань Минчэню.

Тем временем Дуань Минчэнь находился в комнате Сяо Цзюэ, который только что очнулся. Хотя он всё ещё был погружён в скорбь, сознание его прояснилось.

Дуань Минчэнь сказал:

— Я был вынужден поступить так. Прошу прощения за мою резкость.

Сяо Цзюэ, придя в себя, снова обрёл обычное достоинство. Он сел на кровати и не только не стал упрекать Дуань Минчэня, но и сам извинился:

— Господин Дуань, это я был неправ. Пожалуйста, простите мою горячность.

Дуань Минчэнь продолжил:

— Вы, вероятно, уже слышали о смерти Янь Цзюня. Могу ли я спросить, есть ли у вас подозрения относительно убийц Ван Цзыюя и Янь Цзюня?

Сяо Цзюэ сжал пальцы, его тонкие губы задрожали от волнения:

— Честно говоря, мне до сих пор трудно поверить, что такие ужасные события происходят вокруг меня. Я не могу смириться с тем, что они ушли и я больше никогда их не увижу. И Цзьюй, и Янь Цзюнь были такими прекрасными людьми...

Если Цзьюй был порой вспыльчив и мог нажить врагов, то Янь Цзюнь был умен и мудр. Он всегда был добр к людям, и все его любили и уважали. Даже вдовствующая императрица, обычно строгая, относилась к нему с теплотой. Я не могу понять, кто мог бы желать ему смерти...

Дуань Минчэнь смотрел на Сяо Цзюэ. Наследник снова заплакал; его глаза, обычно яркие, как цветы персика, стали влажными и меланхоличными.

Дуань Минчэнь молча протянул ему платок, вспомнив слова Фан Цзя. Сяо Цзюэ действительно был красив, и даже зная о его ветрености, трудно было не поддаться его обаянию.

Но что на самом деле чувствовал Сяо Цзюэ к своим любовникам? Если это была лишь мимолетная страсть, то почему он так глубоко скорбит? Или, возможно, его горе — лишь игра? Если это так, то его хитрость поистине ужасает.

Дуань Минчэнь решил испытать его:

— Позвольте задать вам вопрос. Он, возможно, касается вашей личной жизни, но может быть связан с этим делом.

Сяо Цзюэ вытер слёзы и сказал:

— Господин Дуань, спрашивайте. Я отвечу честно.

Дуань Минчэнь, глядя ему прямо в глаза, спросил:

— Среди ваших любовников — Ван Цзыюй, Янь Цзюнь, Кун Ханьсун и, возможно, другие — кто был вашей истинной любовью? Или же вы просто ветрены и ни к кому по-настоящему не привязывались?

Вопрос был острым. Дуань Минчэнь ожидал, что Сяо Цзюэ рассердится, но вместо этого наследник удивлённо спросил:

— Я признаю, что у меня были отношения с Цзыюем и Янь Цзюнем, но... откуда вы взяли, что Кун Ханьсун тоже был моим любовником? Мы едва знакомы.

— Неужели? Но есть свидетель, который видел вас вместе в саду Снежного Аромата.

— Это ложь! — Сяо Цзюэ, казалось, разозлился. — Я не из тех, кто скрывает свои поступки. Сделал бы — признался бы. Я хочу знать, кто распространяет эти слухи, порочащие мою репутацию?

Дуань Минчэнь внимательно наблюдал за Сяо Цзюэ и не заметил признаков лжи. Будь это правдой или нет, раз Сяо Цзюэ отрицал, он не мог настаивать — доказательств не было.

Сяо Цзюэ, видя, что Дуань Минчэнь сомневается, добавил:

— Господин Дуань, в академии я близок лишь с Цзыюем и Янь Цзюнем. Если не верите, могу поклясться!

— Нет, не нужно, — Дуань Минчэнь поднялся, собираясь уйти. — Клятвы излишни.

Сяо Цзюэ схватил его за рукав:

— Господин Дуань, неужели вы мне не верите? Цзыюй и Янь Цзюнь были мне дороги, я никогда бы не причинил им вреда!

— Истинное не станет ложным, а ложное — истинным. Правда всегда найдётся. Если вы чисты перед совестью, вам нечего бояться. Отдохните, я позволю себе удалиться.

Дуань Минчэнь вышел из комнаты Сяо Цзюэ, и тут же Гу Хуайцин схватил его за руку.

Гу Хуайцин, очевидно, подслушивал у двери. Приблизившись к Дуань Минчэню, он прошептал:

— Сяо Цзюэ врёт. У него точно были отношения с Кун Ханьсуном, но он это отрицает...

<http://bllate.org/book/16283/1467164>